

Ипполит Богданович

Стихотворения и поэмы

Ипполит Федорович Богданович

Стихотворения и поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6506988

Аннотация

«Кларису зря с высоких гор,
Алцип близ чистых вод, в долине,
И зря ее несклонный взор,
Пенял за то своей судьбине,
Что каждый день Кларису зрит
И каждый день в тоске страдает;
Что пленный дух она томит,
Приятных дней его лишает...»

Содержание

Стихотворения	8
Превращение пастуха в реку и происхождение болота	8
«Доколе буду я забвен...»	11
«Господь меня блюдет...»	13
«Блажен, кто Бога не гневит...»	15
«Хвалите Господа небес...»	17
Эпистола	18
Станс	20
Деньги	22
Молитва вечерняя	23
Сказка	25
Басня	30
Закон	32
«Бедами смертными объят...»	34
Пословица	35
Понеже	37
Скупой	38
«О Боже! наше Ты прибежище и сила...»	40
«О Ты, земли и неба Царь!...»	41
Тщеславие	42
Эклога	44
«Не стремись, добродетель, напрасно...»	46

Эпиграммы	47
Ода из анакреонта XIV	49
Ода ее императорскому Величеству Государыне Екатерине Алексеевне, самодержице Всероссийской, на новый 1763 год	51
Стихи, трояко сочиненные	56
Страх любви	58
Опасный случай	59
«Премудрость тщетная не может нас избавить...»	60
Стихи к климене	61
Бесчестного примета	63
Превращение купидона в бабочку	64
Ода в честь красоте	66
Другая ода, с теми же рифмами, против красоты	67
Вкус возраста	68
Умеренность	69
На самохвальство	70
На злоречие	71
Идиллия	72
Песня	75
Загадки	78
Неумеренность	81
Рецепт больному	83

Стихи на дружбу	84
Стихи на дачу, называемую «Красная мыза», 1775 года	85
От зрителя комедии «Недоросля»	86
Разговор между Минервой и Аполлоном	87
Стихи к деньгам	89
Пчелы и шмель	92
Журавли и комар	94
Станс к дмитрию григорьевичу левицкому	95
К моему другу	96
Слух и видение	97
Лев и ребята	98
Басня на поговорку: Воля со мною твоя, а по правде усадьба моя	99
Станс к Л. Ф. М.	100
Станс к Михаилу Матвеевичу Хераскову	103
Приятность простой жизни	105
Песня	107
Стихи к сочинителю разных новых русских комедий	108
Стансы	109
Письмо помещика к военачальнику	111
Портрет русского полководца	114
Василию Григорьевичу Рубану	116
Станс	117
Стихи к музам на Сарское село	119

Из псалма 18	121
«У речки птичье стадо...»	123
Поэмы	126
Блаженство народов	126
Добромысл	136

Ипполит Богданович
Стихотворения и поэмы

Стихотворения

Превращение пастуха в реку и происхождение болота

Кларису зря с высоких гор,
Алцип близ чистых вод, в долине,
И зря ее несклонный взор,
Пенял за то своей судьбине,
Что каждый день Кларису зрит
И каждый день в тоске страдает;
Что пленный дух она томит,
Приятных дней его лишает.
Клариса каждый день в водах
Приходит мыться обычно;
И каждый день Алцип в кустах
Прельщается Кларисой тайно.
Не смеет к строгой подступить,
Не смеет ей в любви открыться,
Чтоб гнев любовью не купить
И всей надежды не лишиться.
Любовью робкою смущен,
Богов он просит неотступно,
Чтоб был он в реку превращен,

Надеясь быть с любезной купно,
Когда Клариса к тем водам
Придет нагая обмываться,
Ко всем он будет красотам
Своей любезной прикасаться.
Богов он втуне упросил,
Его надежда обманула:
Когда Алцип рекою был,
Клариса в оной утонула.
Алцип сто раз судьбину клял,
Что ею так наказан грозно;
И втуне смерти он желал:
Сие желанье было поздно;
Водам не можно умирать;
Лишь только без своей любимой,
В тоске осталось иссыхать
И в горести неутолимой,
Где прежде лил прозрачный ток,
На месте там болото ныне;
Мутится там всегда песок,
И шум ключей умолк в пустыне.
Но если в берег бьет волной,
То кажется, что бьет со вздохом;
Брега, как будто сединой,
Покрылись тамо белым мохом.
Уединяясь от людей
Места там стали непроходны;
И кажут будто слез ручей,
Где видятся теченья водны.

<1769>

«Доколе буду я забвен...»

Доколе буду я забвен
В бедах, о Боже мой, Тобою?
Доколе будешь отвращен
От жалоб, приносимых мною?
Доколе вопиять, стена?
Мое всечасно сердце рвется:
Доколе враг мой мне смеется,
Всегда в напасти зря меня?

Я милости ко мне Твои
В бедах толиких призываю,
Да не рекут враги мои,
Что я напрасно уповаю.
Спаси в напасти мой живот,
В слезах обрадуй и в печали,
Дабы злодеи то познали,
Что ты Господь и Бог щедрот.

Будь страшен всем моим врагам,
Что в злобе на меня стремятся,
Будь мне от них защитник Сам:
Тобой их сети сокрушатся.
Твою я милость воспою
В весь век мой, данный мне Тобою,
Что Ты всемошною рукою

От рук врагов спас жизнь мою.

<1760>

«Господь меня блюдет...»

Господь меня блюдет,
Господь и просвещает,
И от юнейших лет
В путь правый наставляет.
С млеком Закон Свой влил
В меня еще в младенстве,
Дабы во благоденстве
Я Господа хвалил.
Хоть пагубный предел
Назначен мне врагами,
Мой щит пребудет цел,
Я злость попру ногами.
Что враг мне сотворит,
Горящий злобным жаром,
Коль крепких сил ударом
Господь его сразит?

Он щедрую простер
Ко мне свою десницу:
Умножил выше мер
Мой скот, мою пшеницу.
Пою Тебя всяк час,
Источник благ нетленных!
Внемли из уст Ты бранных
Моих хвалений глас.

<1760>

«Блажен, кто Бога не гневит...»

Блажен, кто Бога не гневит
И истину всегда хранит, —
Род одного благословится,
И семя ввек не истребится.

Богатство, слава с ним живет,
С ним праведный узнает свет;
Гонимым он подаст отраду,
С ним узрит истина награду.

Помощник нищему в беде
И покровитель на суде,
Когда он правдой укрепитя,
От слуха зла не убоится.

Он ей противных победит,
Бесстрашно на врагов воззрит
И в свете вознесется славой;
Господь хранит всегда путь правой.

А беззаконник, в злобе зря
И в зависти своей горя,
Что Бог ему не помогает,
Падет, погибнет, и растает.

<1760>

«Хвалите Господа небес...»

Хвалите Господа небес,
Хвалите все небесны силы,
Хвалите все Его светилы,
Исполненны Его чудес.

Да хвалит свет Его и день,
Земля и воздух, огонь и воды;
Да хвалят рыб различны роды,
Пучины, бездны, мрак и тень.

Да хвалят холмы и древа,
Да хвалят звери, гады, птицы,
Цари, владыки, сильных лица
И всяка плоть, что Им жива.

Да хвалит своего Творца,
Да хвалит всякое дыханье:
Он милует Свое создание,
И нет щедрот Его конца.

<1760>

Эпистола

«Сын! начинаешь ты, мне кажется, мотать,
И хочешь своего отца ты разорять:
Сокровище мое, что для тебя копится,
Ты хочешь расточить – ты думаешь учиться;
Учителям платить за то ты хочешь, мот,
И книги покупать. Какой, скажи, в том плод,
Что будешь ты болтать со всеми по-французски?
Дед больше твой не знал, как только что по-русски,
И с нуждою слагал в часовнике он склад, —
А не по-нашему с тобою был богат».

Сия то речь была отца скупого к сыну,
Что, видим мы теперь, схож больше на скотину,
Чем на таких людей, что, в детстве изучась
Старанием отцов, богатство чтут за грязь,
Коль то везде нажать разумному нетрудно.
Бесспорно: хоть иной глупец живет не скудно
И гасами на нем укладен весь кафтан,
Но с блеском золота сугубо он болван.
Другой таким отцом воспитан из младенства,
Достиг до самого он глупых совершенства;
Богатством ослеплен, того всечасно ждет:
Когда достанется? когда отец умрет?
В его тогда руках отцовско будет злато;
Таким же дураком он будет жить богато;
В веселье он тогда свой век, и без наук,

С такими, как и сам, препроведет без сук,
Ученья ересь чтоб в дому его не пахла:
От старости его уж матушка одряхла;
Чтоб сын его, а ей чтоб внучек дорогой
Тем древности ее не тронул бы покой.
Когда ж над нею смерть свою покажет силу,
То придет он тогда на бабкину могилу,
Заплачет и ее там будет поминать,
Случалось вживе как при ней ему гулять.
Вот плод какой детей худого воспитания!
О вы! которые толь подлого желанья,
Чтоб дети в глупости век ваши провели,
Такой ли плод должны иметь мы на земли,
Чтоб только собирать учились деньги дети?
Не то старанье мы об них должны имети,
Но чтоб открыть им то, чем Бог нас одарил.
Премудрость он свою чрез разум в нас явил;
Но разум сей снискать не можем без ученья;
Не ищет кто его, достоин сожаленья.

<1760>

Станс

С любезной живучи в разлуке,
Мой томный дух теперь страдает;
И быть, по гроб в сей злейшей муке
Судьбина гнева предвещает.

О рок! за что, о рок жестокий!
Меня несносно так караешь?
Или в печали сей глубокой
Мученья большего желаешь?

Когда не сыт ты сей напастью,
Что самой смерти мне тяжеле,
Рази меня во гроб всей страстью
И успокой дух томный в теле.

Рви, мучь, терзай как можно зляе:
Коль жизнь свою я ненавижу,
Коль нет того, что мне миляе
Всего, что в свете я не вижу.

Я смерть себе приму в награду
За всё мое теперь терпенье.
Один мне будет гроб в отраду
С моей любезной в разлученье.

А ты, дражайшая! заочно
Почувствуй, как мой дух страдает;
И если быть тому не мочно,
Чего надежда нас лишает,

Приди на место, где могила,
И вспомни, как с тобой расстался;
Мне жизнь моя быда постыла,
И без тебя все дни терзался.

Те взоры, что меня пленяли,
Пусти во прах иссохши тела,
Чтоб купно кости ощущали
То, что меня ты пожалела.

<1760>

Деньги

Беда, коль денег нет; но что за сила тянет
К богатству всех людей? Без денег счастье вянет,
И жизнь без них скучна, живи хотя сто лет;
Пока твой век минет – беда! коль денег нет.

Беда, коль денег нет; везде сии законы,
Что деньгам воздают и ласки и поклоны.
О деньги, деньги! вас и чтит и любит свет,
И каждый вопиет: беда, коль денег нет.

Беда, коль денег нет; имея жизнь толь кратку,
Приписывать должны мы счастье к достатку;
Хоть деньги множество нам делают сует,
Однако без сует беда, коль денег нет.

<1761>

Молитва вечерняя

Сокрылись солнечны лучи
От мрачной темноты в ночи.
Я, день прошедши вспоминая,
Что, в беззаконьи утопая,
Тебя, о Боже мой, гневил,
Когда на всякий час грешил.
Хотя числа нет согрешенью,
К Тебе, души ко облегчению,
Дерзаю мысль
К Тебе взнести,
Тебе моленье принести.
Возри на сердце сокрушенно,
К Тебе любовью утвержденно,
И грешнику Твой суд отсрочь:
Не умертви в сию мя ночь,
И дай Твоим мне подкрепленьем
Тебя не гневать согрешеньем.
Храни в бесстрастии меня,
Да, утренний узрев свет дня,
С покойной мыслью одр оставлю
И милости Твои прославлю, —
Что чистым, Боже ты сердцам
Всегда готов покров быть сам;
Хранить деланья непорочны
Всегда, и в сне, в часы полночны.

<1761>

Сказка

Хотелось дьявольскому духу,
Поссорить мужа чтоб с женой.
Не могли сделать то собой,
Бес подкупил одну старуху,
Чтоб клеветою их смутить,
И обещал за то ей плату.
Она, обрадовавшись злату,
Не отреклась ему служить
И, следуя чертовской воле,
К жене на тот же день пошла,
За прялкою ее нашла;
А муж пахать поехал в поле.
«Здорова ль, кумушка, живешь? —
Старуха спрашивать так стала. —
Я с весточкою прибежала,
Что очень скоро ты умрешь».
Потом старуха напрямки
Жене сказала так об муже:
«Нельзя того быть, matka, хуже, —
Ты от его умрешь руки:
Он в кузницу ходил нарошно,
Чтоб нож себе большой сковать.
Я, право, не хочу солгать,
Мне то подслушать было можно,
Как он назад дорогой шел,

Тебя зарезать похвалялся,
И нож на поясе мотался.
Смотри, чтоб впрямь не заколол.
Я дам тебе траву такую:
Как будешь при себе держать,
То муж не станет нападать,
И отменит к тебе мысль злую.
Да только, свет мой, не забудь,
Побереги молодого веку,
Или не сделал бы калеку.
Лишь он войдет, траву брось в грудь.
Когда б тебя я не любила,
То бы совету не дала:
Я не хочу тебе вить зла.
Прости, и помни, как учила».
Лукавая хрычовка та
Тотчас и к мужу побежала;
Его там на поле сыскала.
«Я бегала во все места, —
Старуха говорит с слезами. —
Еще ты, батюшка мой, жив!
Поди теперь домой ты с нив;
Поди, своими ты глазами
Увидишь женину любовь.
Она, увидевшись со мною,
Сказала мне, с надеждой тою,
Что злости буду я покров,
Как встретишься, вошед, ты с нею,
То бросит той травой в тебя,

Котору держит у себя,
Чтобы пошел ты в землю ею.
Тебя мне, ей-ей! батька, жаль!
И не жалеть о том не можно,
Когда б жена твоя безбожно
Намеренье свершила вдаль.
Вот нож тебе, возьми скорее,
Поди к жене теперь, поди,
И злость ее предупреди,
Зарежь злодейку, не жалея.
Увидишь правду ты мою,
Когда увидишься с женою.
А чтоб не умер ты травною,
То я тебе совет даю,
Чтоб нож вонзить ей прямо в груди.
А ежели не так воткнешь,
То от травы тотчас умрешь:
Так говорят все стары люди».
Мужик, сию услыша весть,
Упал тогда старухе в ноги.
В слезах не видит он дороги,
Спешит скоряй на лошадь сесть.
Дивится жениной он злобе,
За что б озлилась так она;
Смущеньем мысль его полна:
Не хочется быть рано в гробе.
Приехал только лишь домой,
Жена тотчас его встречает
И мниму злость предупреждает:

В грудь бросила ему травой.
Мужик взбесился, зря то ясно,
Что хочет уморить жена.
«Постой, – вскричал, – уж злость видна,
Узнав, как с мужем ты согласна.
Не думай, чтоб свершила зло:
Умри, коль смерти мне желаешь;
Сама себя теперь караешь,
Тебе злодейство то дало».
Сказав то, вынул нож ужасной,
Вонзил жене невинной в грудь.
«Что муж тебе я, ты забудь,
Коль мне не хочешь быть подвластной.
Умри, проклятая душа,
Коль мужа умертвить хотела,
Себя ты тем не пожалела».
Жена тогда, едва дыша,
Сказала мужу, умирая,
Что смерть приемлет без вины
И что старухой смущены:
«Она, безбожница, нас злая
С тобою разлучила ввек».
Узнал и муж тогда старуху,
Но уж жена лишилась духу.
Жалел, что жизнь ее пресек.
Но мужнее тогда жаленье,
Хотя и каялся в вине,
Уж поздно было о жене,
И невозвратно то лишенье.

А ту хрычовку сатана,
За женину ножом утрату,
Во аде наградил в заплату,
Чтоб вечно мучилась она.
Читатель! сказку ты читая,
Жалей о тех, жалей со мной,
Которы гибнут клеветой,
Безвинно жизнь оканчивая.
Найдем и много мы старух,
Которых злость развраты множит,
Чего и дьявол сам не может,
Чтобы поссорить в дружбе двух.
Клеветники – у чорта сети,
Которыми он ловит тех,
Что, кроме истины, утех
Неправдой не хотят имети.

<1761>

Басня

Казалось глупому ослу там не довольно
Кормиться на лугу, хозяин где гонял.
То было у реки: осел не пожелал
Есть каждый день одно, и поплыл самовольно
На тот чрез воду край, – казалось там трава
Приятнее ему. Хозяин с криком стонет,
В реке осел что тонет.
Но втуне были те слова,
Осел тогда был на середине,
Река
Была топка,
Не смогши дале плыть, осел увяз там в тине.
Осел и корму был не рад:
Пришло ему там тошно,
Что ни вперед ни взад
Поплыть ему не можно.
Он сам тому виною,
Что в тине должен умирать.
Не удалось ему насытиться травой,
Ни кожи мужику с него содрать.
Познай моих, читатель, силу слов.
Великие стада найдешь таких ослов,
Противясь что судьбине,
Излишнего хотят, своим несыты всем;
Но вовсе погибают тем,

Осел как глупый в тине.

<1761>

Закон

Закон все люди чтут, но что то за закон?
И как в законе жить повелевает он?
Иной мне говорит, что он есть у приказных,
Где все дела вершат по силе прав указных.
Судебные места законами полны,
Но если б все дела так были вершены,
Указы правы как о том повелевают,
То б не было тех душ, закон что заключают
В экстрактах, в выписках, в чернилах и пере;
И быть чтоб у судьи с подарком на дворе;
И в том, что в год один исписано стоп с десять.
Труды те тяжелы: когда их стать все весить,
Потянут больше ста, и больше двухсот пуд,
В приказах сидя, что подьячие наврут.
Достойно взятки брать, что день и ночь там пишут;
Трудясь над вздором тем, спины и рук не слышат.
Но польза такова изо всего вранья:
Что там написано, не знает сам судья.
Коль в том наш есть закон, чтоб Бога почитали,
И ближним как себе во всем мы помогали;
И, словом, чтоб Творца и ближнего любить,
То можно без всего закон нам сохранить.
Законом быть должна меж нами добродетель,
А права, истины ей только лишь свидетель.
Покровом быть в бедах вдовам и сиротам,

Без всех гражданских прав удобно можно нам.
Правдивого закон не делает неправым,
И истина воздаст за злости всем лукавым.
Когда б все правдою старались в свете жить,
На что бы нам экстракт и выписку чертить!
Мы видим из того, что права для безбожных
Все сделаны, для их клевет на правду ложных,
Которыми по всем местам наполнен свет.
Но правда где живет, то там закону нет.
Кто добродетели в закон себе имеет,
То злоба на того восстать уже не смеет.
Она его бежит, как вихря пыль и прах;
Ему равно прожить в веселье и в бедах.
Он истины вовек неправдой не погубит;
Ему то и закон, что ближнего он любит.

<1761>

«Бедами смертными объят...»

Бедами смертными объят,
Я в бездне ада утопаю;
Еще взвожу ослабший взгляд,
Еще на небо я взираю.
Твой суд, о Боже, прав и свят,
Тебя я в помощь призываю:
Воззри, как грудь мою теснят
Беды, в которых я страдаю.
Прости, Творец, сию вину,
Что день рождения клянусь,
Когда от мук ослабеваю.
Ты сердца видишь глубину:
Хоть в адских пропастях тону,
Но от Тебя спасенья чаю.

<1761>

Пословица

Змея хоть умирает,
А зелье всё хватает —
Пословица есть у людей.
Скажу в пример я сказку к ней.
Которого не помню года
Ко облегчению народа
Скончал свой век
Приказный человек,
То есть подьячий,
Который в самый век еще ребячий
Был выучен просить за труд.
Он скоро понял ту науку,
Крючком держать, протягши, руку,
Пока ему дадут.
И сверх того он был изрядный плут.
И прочие крючки завидовали вору,
Что драл со всякого он взятки без разбору,
Лишь только б где ему случилось обмочить
Перо в чернила.
Состарился крючок, и уж слабела сила
За труд просить;
Приходит смерть к нему с косою,
Велит, чтоб он дела приказные бросал
И больше не писал.
Подьячий, ухватя чернильницу рукою,

Другую протянул, уже лишая сил,
И с смерти за труды просил.
Сбылась пословица: змея хоть умирает,
А зелье всё хватает.

<1761>

Понеже

Понеже говорят подьячие в приказе:
Понеже без него не можно им прожить,
Понеже слово то показано в указе,
Понеже в выписке оно имелось быть,

Понеже секретарь им сделался в заразе,
Понеже следует везде его гласить.
Понеже состоит вся сила их в понеже,
Затем и не живет у них *понеже* реже.

<1761>

Скупой Притча

Какую пользу тот в сокровищах имеет,
Кто в землю прячет их и ими не владеет?
Живет в провинции скупяк,
И хочет вечно жить дурак,
Затем, что предки жили так.
По дедовскому он примеру
И по старинному манеру,
Имеет к деньгам веру,
Не бреет никогда усов,
Не курчит волосов:
У прадеда его они бывали прямы,
Который прятывал всегда богатства в ямы.
Таков был дедушка, отец и сын таков.
Когда он при конце, впоследствии, рот разинул,
Едва успел сказать жене,
Что деньги он в земле покинул,
В саду, в такой-то стороне;
Но чтоб не трогать их, – и умер с тем заветом;
Жена, не тронув их, простилась после с светом.
Вступил в наследство внук,
Но деньги те еще людских не знали рук,
По завещанью он зарыл их в землю ниже,
Как будто для того, чтоб были к черту ближе.

<1761>

«О Боже! наше Ты прибежище и сила...»

О Боже! наше Ты прибежище и сила,
Защита крепкая и помощь нам в бедах, —
Когда бы нас Твоя десница не хранила,
Давно бы зрели нас враги в своих сетях.

От гласа Вышнего вселенна потрясется,
Смутятся и падут противные пред Ним;
Но имя праведных тем паче вознесется,
И не прикоснется никакая злоба им.

Величество и власть Творца все твари славят,
Хвалу Ему гласят земля и небеса;
Когда б забыли мы, то горы нам представят
Бесчисленны Его преславны чудеса.

Он луки и щиты злодейски сокрушает,
Свергает в ярости взнесенный гордых рог;
Но праведных всегда щедротой утешает;
О злость! сомкни уста, защита правым – Бог.

«О Ты, земли и неба Царь!..»

О Ты, земли и неба Царь!
Ты смертным тишину приносишь, —
Доколе злобы не подкосишь,
От коей мучится вся тварь?
Доколе стрел на тех не бросишь,
Которы Твой сквернят олтарь?
Ты молнии в деснице носишь, —
Ты в злых перунами ударь.
Пусть их Советы сокрушатся
И чаемых утех лишатся,
Не зря погибели других;
А правые Твой суд узнают,
Когда злодеи восстенают
И ветер прах развеет их.

<1761>

Тщеславие

Все люди исстари не чтут за правду сказки,
А ложь употреблять привыкли для прикраски.
Что слышал от людей, я сказываю то ж;
Коварные, сплетая ложь,
Других обманом уязвляют.
Кто хочет, верь тому; кто хочет, хоть не верь,
Я сказочку начну теперь:
Коза с рождения Медведя не видала
И не слыхала,
Что есть такой на свете зверь;
Но храброю себя повсюду называла,
Хотела показать геройские дела,
И, следственно, была
Смела.
Однако на словах, а не на деле,
Геройских дел ее не знал никто доселе;
И, по ее словам, Самсон и Геркулес
Не много перед ней поделали чудес.
«Причина ль, – говорит, – увидеться с Медведем?
Тотчас туда поедем», —
И в доказательство пошла, не медля, в лес,
Пошла Коза на драку;
Так бодро Телемак не оставлял Итаку,
Так храбро Ахиллес не шел против троян,
Великий Александр, с победой персиян,

В толикой пышности не возвращался в стан.
Идет и говорит, чтоб дали ей дорогу.
Идет Коза в берлогу,
И приближается смотреть:
Незнаем ей Медведь.
Увидела, что с ним лежит ее подружка,
И думала, у них великие лады, —
Пошла туда Коза, не зная беды.
Худая с ним игрушка;
Неугомонен стал сосед,
Для гостыи кинул он обед;
А гостыи в шутку то не ставит,
Что жестоко ее Медведь за горло давит.
Не хочет уж Коза гостить
И просится, чтоб быть, по-прежнему, на воле;
Клянется, что к нему ходить не станет боле,
Когда он от себя изволит отпустить.
Коза Медведя не обманет,
Он сделал, что она ходить к нему не станет,
Затем, что с места уж не встанет.
Не лучше ль было бы, когда б моя Коза,
Не пяля в лес глаза,
Жила без храбрости в покое?
А смелость только быть должна в прямом герое.

Эклога

Уже осенние морозы гонят лето,
И поле, зеленью приятно одето,
Теряет прежний вид, теряет все красы;
Проходят радости, проходят те часы,
В которые пастухи среди рощи обитали.
Уже стада ходить на паству перестали,
И миновалася приятность прежних дней,
Когда предвозвещал Аврору соловей,
На зыблющихся пел сучках и утешался,
И голос одного по рощам раздавался.
Не летний дождь идет, и не из прежних туч;
Светило с высоты пускает слабый луч.
Холодный дует ветер, зефир уже не веет;
Летит с деревьев лист, и вянет и желтеет.
Вчера овец погнав, уже в последний раз
Кларису я узрел, о, час, приятный час!
Но лето кончилось и паству пресекает,
И вместе с ним моя свобода утекает.
Клариса день один со мной овец пасла,
Но навсегда мою свободу унесла.
Я чувствую в себе; но что? и сам не знаю;
Кларису я любить сердечно начинаю.
Что думать не начну, я думаю об ней,
Нейдет Клариса вон из памяти моей.
Люблю, и видеть я хочу ее всечасно:

Расстаться с нею мне... и мыслить то ужасно.
Нельзя изобразить, что я без ней терплю,
Как только, что ее сердечно я люблю.
Приятно чувствовать, и мыслить то приятно:
Ах! если б ей любви желанье было внятно!
Приятней и того мне с нею говорить.
Увидя раз ее, не можно позабыть.
Пойду за нею вслед, она живет у речки,
Скажу, что наши там смешались овечки,
Что в стаде двух иль трех своих не нахожу,
А между тем я ей и более скажу;
И, может быть, найдем другие мы причины,
Чтоб видеться всегда с Кларисой без скотины.

<1761>

**«Не стремись,
добродетель, напрасно...»**
(Дактилическими стихами)

Не стремись, добродетель, напрасно
Людей от неправды унять:
В них пороки плодятся всечасно,
Нельзя их ничем исправлять.
Справедливость не раз без заплаты
Являла несчастны следы, —
Времена, пролетая, крылаты
Влекут и встречают беды.
Упаси, о Всевышний Содетель,
Покрой в непорочных сердцах
Утесненную злом добродетель,
Всели в незаконных Твой страх.

<1761>

Эпиграммы

I

Кто никогда души спокойства не имеет,
То думает: для всех на свете счастье ложно.
Однако лишь ему найти его не можно,
Затем что он сносить напасти не умеет.

II

Хоть истинного здесь на свете счастья нет,
Но есть такое в нем, что нам приятен свет,
И для чего-нибудь нам сносно в жизни бедство.
Конечно, делает любовь сие нам средство.

III

Несчастье для него, тот думает, несносно.
К нему еще оно и не бывало косно.
Но кто бывал в беде, тот ведает давно,

Что скорбь проходит так, как счастье, равно.

<1761>

Ода из анакреонта XIV

Уже сие непреборимо:
Люблю, что должно быть любимо.
Давно ли мне вещал Эрот,
Давно ль советовал о этом,
Когда я был совсем не тот
И был не тронут сим советом?
Упрямца видя пред собой
И зря мои поступки смелы,
Он взял тогда свой лук и стрелы,
И вызывал меня на бой.

Я так же был напротив злобен
И Ахиллесу был подобен.
С копьем и в латах со щитом,
Казалось мне: чтобы сражаться,
Со оным маленьким божком,
Ненужно боле вооружаться.
Он стрелу первую пустил,
Но я от оной уклонился;
Стреляя, тщетно стрел лишился,
И сердца мне не прострелил.

Он яростью кипел презлою,
И, бросаюсь сам ко мне стрелою,
Грудь слабую мою пронзил.

Мое, ах! сердце ощущает,
Что нет к сопротивленью сил;
Копье меня не защищает,
И все щит имею сей, —
Эроту оный не препона.
К чему снаружи оборона,
Когда уже внутри злодей?

<1761>

**Ода ее императорскому
Величеству Государыне Екатерине
Алексеевне, самодержице
Всероссийской, на новый 1763 год**

Пресветлый Феб открыл мне гору,
Где тьмы чудес прельщенну взору
Являют сладкую мечту;
Пленен видением и слухом,
К веселью восхищенным духом,
Божествен хор внимая, чту.
О муза, возглашая миру
Героев славных имена,
Подай свою мне ныне лиру
Воспеть счастливы времена.

Не ново ль солнце воссияло!
Се новых дней мы зрим начало,
Дней радостей сугубых нам.
Внемли, владычица земная,
Блаженство музам подавая,
Иль паче, всем твоим странам,
Внемли их песнь благоприятно:
Для них торжеств краснее нет,
Как песни повторять стократно

Твоей гремящей славе вслед.

Не в греческих странах прекрасных,
Но на местах тебе подвластных,
Монархиня, услышишь муз.
Взгляни ты на поля российски, —
Услышишь песни олимпийски,
Услышишь разных лир союз;
Но все тебя поют едину,
Поют и не престанут петь
Премудрую Екатерину,
Что век златой дала узреть.

Здесь царствовать желает Флора,
Ниспустит росу к нам Аврора
И ток прольет прохладных вод;
Здесь нимфы при струях прозрачных,
В сих рощах, в сих долинах злчных
Прославят твой на трон восход.
На сих полях пространных чаает
Зефир спокойно дуть всегда,
И радости не окончат
Царица в нивах никогда.

Настанет жизнь наукам перва:
Ты будешь новая Минерва
Среди потомков древних муз;
Не паки ль под твоим эгидом
Божественным крепимся видом,

В свободе мы от рабских уз?
Гореть к отечеству любовью
И в гневной оною судьбе
Влиянную от предков кровью
Хранить их честь есть дань тебе.

Нам труд и подвиги всегдашны
И смертны ужасы не страшны,
Где к славе ты покажешь путь;
Средь волн, средь бурь, средь грозна пламя,
И где твое увидим знамя,
Наместо стен поставим грудь.
Сам Бог на помощь нам предстанет,
Разя оружием твоим;
С твоим Он громом крупно грянет,
Твой гнев и Свой покажет злым.

Свидетели тому соседы,
Коль славны чрез свои победы
Россияне, смиря врагов;
Свидетели те войски сами,
Которы, побежденны нами,
Чтут мужество твоих полков.
Еще герои русски целы,
Живут и будут жить в сынах, —
Враги увидят прежни стрелы
И прежни громы в их полях.

Те громы, кои под Полтавой

И всюду пред Петровой славой
Стремились дерзостных карать;
Главы их тот же меч преклонит,
И тот герой врагов погонит,
Который гнал за степь их вспять.
Но если грозный рок злодеев
Их дерзкий путь давно пресек,
Без бранных действий и без трофеев,
Монархиня, твой славен век.

Когда царей мы в мысль приводим,
Повсюду образ твой находим:
Тот жизнь хотел за всех терять,
Тот жертвовал своим покоем,
Тот кротким назван, тот героем;
Но выше чем мы россов мать.
Иной во плен взял тьмы народа,
И, силой рушив крепость стен,
Был царь всего земного рода;
А ты взяла сердца во плен.

Тобою добродетель блещет,
Обидимый не вострепещет
От сильных рук перед судом;
К тебе путь правда отверзает.
И лихоимство не дерзает,
Объято страхом и стыдом.
Вдова в отчаяньи не стонет,
Не плачут бедны сироты:

Коль жалоба их слух твой тронет,
Помощница им будешь ты.

Не лестью их язык вещает,
А то, что сердце ощущает,
Монархиня, гласят уста.
Монархи, славные делами,
Не мя превознести хвалами,
Блаженство шлют во все места.
Но сколько милость им природна,
Столь свойственно нам петь ея;
И если песнь тебе угодна,
Тем паче счастлив буду я.

Благословенная держава!
Твоя надежда, счастье, слава
И власть должны цвести вовек.
Веселый слух подвиг всю землю;
В священном я восторге внемлю
Слова, что целый мир изрек:
«Продли ее, о Боже, лета,
Продли до самых поздних дней;
Они утехой будут света
И счастьем всех подвластных ей».

Стихи, тройко сочиненные

На одни заданные рифмы

I

Что есть всему Творец, сомненья не... имею:
Мне сердце говорит... о Нем;
Но инако любить я Бога не... умею,
Как только в ближнем лишь... моем.

II

Не мучусь если я богатства не... имею,
Хоть должен я пещись... о нем;
Коль милою любим, спокойным быть... умею
В последнем житии... моем.

III

Влюбясь я в тебя, спокойства не... имею,

И, потеряв покой, хотя грущу... о нем;
Но вернуть его, Клариса, не... умею,
Приятность находя в мучении... моем.

<1762>

Страх любви

О сильный бог любви!

Желал бы я, чтоб ты сказал моей прекрасной,

Какой безмерный жар я чувствую в крови,

И чтоб ты мне помог в моей любви несчастной;

Но трепещу, ее представя красоты,

Чтою мой поверенный, мне к горшему несчастью,

Не воспылал, как я, подобною к ней страстью:

Ты скажешь, что не я люблю, а любишь ты.

<1763>

Опасный случай

Купидо некогда, в присутствии прекрасной,
К своим победам пук ковал любовных стрел;
В тот час ужасный
Работу бога я сего вблизи смотрел.
Он искрами меня со всех сторон осыпал;
Жар в кузнице его вокруг воздух так разжег,
Что в страхе был и сам сей бог.
Уже из рук его разжженный молот выпал;
Хотел от жару наконец
Лететь к красавице любовных стрел кузнец;
Но мимо он огня летел неосторожно:
Сгорели крылья там его.
И дале уж лететь ему не стало можно,
Как лишь до сердца моего.

<1763>

«Премудрость тщетная не может нас избавить...»

Премудрость тщетная не может нас избавить
От смерти лютыя, ни сохранить от бед,
И не предскажет нам, что будет с нами впредь;
Не лучше ль сей труд, о смертные! оставить,
В котором пользы нет?

<1763>

Стихи к Климене

Тот счастлив, кто богат и кто имеет честь,
Тот счастлив, у кого притом здоровье есть.
Я всё то без тебя. Климена ненавижу,
Я счастлив в те часы, когда тебя я вижу.

<1763>

Всечасно страсть моя, Климена, возрастает,
Одна ты царствуешь в желаниях моих;
Но, ах! в твоей душе любовь не обитает,
А только лишь она видна в глазах твоих.

<1763>

Младенец нежный бог не ищет громкой славы;
Он ищет тишины, свободы и забавы,
И любит он летать по счастливым местам.
Его жилище там,
Где царствуют веселья, смехи,
Где игры и утехи,
И где присутствуешь, Климена, только ты, —
Там всё находит он в природе красоты.
Твой милый взгляд ему приятнейшая пища,
Твое желание – закон, Здесь храм его и трон;
В победах веселится он,

Вздыхаю только я среди его жилища.
Климена! научись чувствительною быть.
Никто не избежал любовной страсти,
И все подвержены любовна бога власти.
Климена! научись любить.
Напрасно ты любовь, не зная, оуждаешь:
Узнала бы своей ты цену красоты,
Когда бы в сердце то почувствовала ты,
Что в прочих возбуждаешь.

<1773>

Приятна молодость тебя, Климена, учит,
Что должен нежности ум гордый уступить,
Противяся любви, он только сердце мучит:
Прекрасные на то роятся, чтоб любить.
Подвергнуться любви нимало не бесславно,
Без оной были бы бесплодны красоты;
Подвергнуться – тебе, я вижу, что не нравно,
Но, быв побеждена, найдешь победу ты.

<1763>

Чтоб счастливым нам быть,
Я буду жить затем, чтоб мне тебя любить;
А ты люби меня затем, чтоб мог я жить.

<1763>

Бесчестного примета

Когда твой друг
Радеет для твоих услуг
И ты скрываешь то от света,
Бесчестного примета.
Но в счастливой любви не эта,
Другая платится монета;
Кто оной не таит от света, —
Бесчестного примета.

<1763>

Преображение купидона в бабочку

Досадой некогда Юпитер раздраженный,
Как дерзкий бог любви ему стрелой грозил,
Во гневе яростном, за скиптр пренебреженный,
В вид бабочкин божка сего преобразил.
Вдруг крылышки из рук явились голубые,
Взлетел и в бабочку преобразился бог:
Он рожки получил и ножки золотые;
Он плакать начинал, но плакать уж не мог.
Нет лука у него, нет стрел и нет колчана, —
Победы все его пресек ужасный рок.
Садится он на верх иль розы, иль тюльпана,
Перелетаючи с цветочка на цветок.
Но жалость наконец Юпитер ощущает,
Вид прежний на себя велит ему принять:
Не вечно он казнит, не вове он прощает,
Чтоб дерзкие его страшились прогневлять.
Явился паки лук, приемлют силу стрелы,
И в прежнем виде стал прощенный наконец,
Лишь бабочкины с ним остались крылья целы,
Во знак, что гневен был к нему богов отец.

Не стало с той поры в любви постоянства,
Как сделался крылат предерзкий Купидон;
Ища иных побед и нового подданства,
Летает с той поры из сердца в сердце он.

Но вечно будешь жить, о бог любви! со мною,
И навсегда мое ты сердце взял во плен:
Конечно, я тогда пронзен твоей стрелою,
Как в бабочку еще ты не был превращен?

<1763>

Ода в честь красоте

Краса нас счастья на самый верх возносит,
И сами боги чтят в создание красоту.
О жизнь! когда ты сон, продли сию мечту,
Продлись, о сладкий сон, пока нас смерть не скосит,
И насладиться дай приятностями ее,
Пока не обратит их смерть в небытие.

Иль только понимать свои несчастья ясно
Всесильны небеса нас в свет произвели,
И утешенья нет для смертных на земли?
Престанем размышлять о том, что нам ужасно,
Изыщем способы ко облегчению бед,
Оставим по себе мы сладкой жизни след.

Когда мы целый век не можем наслаждаться,
Потщимся хоть продлить приятность сих минут,
Без возвращения которы протекут,
И чтоб раскаяньем впоследствии не терзаться,
Пусть наших радостей кратчайшие часы
Составят сладку жизнь, пока цветут красы.

Другая ода, с теми же рифмами, против красоты

Тщетно свет всегда.... возносит,
Тщетно славит..... красоту:
В ней мы видим лишь.... мечту;
Смерть иль старость ону.... скосит,
Время прелести..... ее
Обратит..... в небытие.

Если мы рассмотрим..... ясно,
Что красы.... произвели,
Узрим брани..... на земли
И отмщение..... ужасно;
Узрим тысячи там..... бед,
Где мы их увидим..... след.

Тщетно чаем..... наслаждаться
Лестным ядом сих..... минут,
Кои скоро..... протекут
И принудят нас..... терзаться
В долгие потом..... часы
Исчезающей..... красы.

Вкус возраста

Игрушки свойственны во время первых лет,
И свойственно любить, когда любить прилично,
А умными тогда бываем мы обычно,
Как свет оставит нас и мы оставим свет.

<1763>

Умеренность

Доволен жизнью я моею,
А утверждает в ней мое блаженство то:
Когда чего я не имею,
Я то считаю за ничто.

<1763>

На самохвальство

Разумные дела себе ты ставишь в смех
И говоришь, что ты умнее в свете многих;
Не спорю я с тобой: умнее ты и всех,
Да только не людей, а всех четвероногих.

<1763>

На злоречие

Хоть я бранен везде тобою,
А ты хвален повсюду мною,
Имеем оба мы несчастьем общим то:
Ни в первом, ни в другом не верит нам никто.

<1763>

Идиллия

(Белыми стихами)

На что в полях ни взглянешь
Со мною ты в разлуке,
Ты всем меня вспомянешь,
Любезная Пастушка.
Тебе покажет утро
Тоски моей начало;
И днем, когда светило
Луч огненный ниспустит,
Ты, чувствуя жар в полдни,
Представь, что жар подобный
Я чувствую, влюбясь.
Не солнцем я сгораю,
Любовь рождает пламень
В моем плененном сердце;
Любовью я сгораю,
Любя Кларису страстно.

Тебе представит вечер,
Как после паствы стадо
Пойдет назад к покою,
Что в самое то ж время,
От грусти утомившись,
Я в сне ищу покоя.

Ищу его я тщетно;
Печальным воображеньем
Я также в сне терзаюсь.
Я те следы целую,
Где шествовали ноги
Драгой моей пастушки.
Роса тебе представит
Мои в разлуке слезы.
Когда услышишь хоры
Поющих сладко птичек,
Представь себе, Клариса,
Что те поющи птички
Оттуда прилетели,
Где я, с тобой в разлуке,
Грущу и въздыхаю.
Они моих мучений
Свидетелями были,
И жалобы несчастны
Они мои внимали;
Теперь во оных песнях
Мой голос повторяют,
Мои слова вещают,
Что я люблю Кларису,
И вместе ощущают
Они со мною горесть,
Оплакивая вместе
Мою несчастну долю.

Когда зефир повеет,

Его дыханье слыша,
Клариса, ты вспомни,
Что я, как он, вздыхаю.
Но он безмерно счастлив,
Он, дуя, прохлаждает
Твои красы прелестны,
И, легкостью своею
Всем прелестям касаясь,
Тебя целует нежно,
Всегда благополучен;
А я его несчастней,
Вздыхаю отдаленно,
Верней его и страстней.
Другую он целует
И на другую дует;
Как скоро отлучится,
И сердце всеминутно
Имеет он неверно.
Но я не пренебрегаю
С тобою и в разлуке,
Люблю тебя безмерно.

<1763>

Песня

Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет. (2 раза)

Пригожей все меня зовут:
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придёт любиться;
Мне надобно подумать тут. (2 раза)

Он скажет: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю,
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакова;
Любовь и я ему явлю. (2 раза)

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток, —
Что дать? не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов. (2 раза)

Дала б ему я посох свой, —

Мне посох надобен самой;
И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой. (2 раза)

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. (2 раза)

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;
Неужли пастуху в награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцелуй дала? (2 раза)

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего. (2 раза)

Любовь, владычица сердец,
Как быть, научит наконец:
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
Как быть, научит наконец. (2 раза)

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придёт сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пускай пастух придёт сюда. (2 раза)

<1773>

Загадки

I.

Я матью имею землю,
Но бытность прежде я имел;
Происходя потом, был зелен, сер и бел;
Впоследок темный цвет приемлю,
Затем, чтоб мог давать я свет,
И без труда меня никто не назовет.
Живу в простых избах, коль тамо мог приметить,
Читатель, ты меня теперь не мог не встретить.

II.

Чтоб мог, читатель, ты меня именовать,
То должен девять букв различных ты собрать,
Из коих если ты по несколько убавишь,
Премножество других различных слов составишь.
И можешь ты во мне сим образом найти
Ту конску часть волос, что любим мы плести,
Монету, элемент и некоторо бремя,
Холодный света край, горячесть неку, время;

Найдешь во мне людей ты храбрых ремесло;
Два раза ты найдешь число;
То слово, что в простой мы речи произносим,
Когда чего мы просим;
И слово, кое мы в то время произносим,
Как мы, сердясь, кого толкаем иль выносим;
И ту животную, что мы на теле носим.
Найдешь ты в буквах сих
Высокость, внутренность и низость мест земных,
Бесчисленность одних летающих творений,
Колясочную часть и часть стихотворений.
Найдешь ты имена: того, кто крадет нас,
Того, кто к краже покушает,
И место страшное, куда в последний час
По вере осужден, кто в свете согрешает;
То слово, как зовем мы ползущую тварь;
То качество, каким особо был порочен,
Когда в Израиле явился полномочен,
Египетский, в волнах утопший древле, царь.
И состояние в рожденьи человека,
Каков выходит он на свет,
И свойство, коим мы, в середине наших лет,
Приобретаем честь и хулу для века.
То имя ты найдешь, что мы даем вещам,
За кои ничего, их взяв себе, не тратим;
То место, кое мы городим, суем, платим,
Колотим и клеим, чтоб то поправить нам.
Найдешь природное орудие скотов,
Растущее дерево и некотору пищу,

И наречение рожденных отроков,
И место, где сушим мы рожь или пшеницу,
Погоду, пагубную ей.
Найдешь селение людей,
И место праведных, и то, что летом в поле
Крестьянин бережет и навещает боле;
И ту роскошную приятность, наконец,
Которой я отец;
Но чтоб родить ее, меня и жмут и давят,
И после за ничто оставят;
Когда же ко всему прибавишь ты одно,
Я значу сорок слов и, если хочешь, боле.
В твоей, читатель, воле:
На рифму прибирай, поставя в первых *дно*.

<1773>

Неумеренность

Всяк ищет лучшего, на том основан свет;
И нужен иногда к терпенью нам совет.
В Сибири холодно, в Китае больше преют,
И люди то сносить умеют.
Но, Муза, далеко меня ты занесла:
В Китае побывать, и побывать в Сибири
Подале, нежели отсюда в Кашире,
И надобно туда дорогам быть по шире.
Поближе я найду в пример такой Осла.
Мужик, пастушья ремесла,
Гонял на корм сию скотину,
И выбрал лучшую долину.
Долина у реки, трава была густа,
И близки от двора хозяйского места;
На что же далеко носить ему дубину?
А на другом краю реки
Паслись Быки
У пастуха Луки;
Казалось, туда пути не далеки.
Их кормом мой Осел прельстился:
Прискучило ему давно
Есть каждой день одно,
И переправиться однажды покусился,
К Быкам пустился,
Да та беда,

Что не было туда
Сухой дороги.
А надлежало плыть; в болоте вязнут ноги.
Река
Была топка.
Кричит пастух и стонет,
Увидя, что Осел в болоте тонет.
Он мнил, что глупую скотину воплем тронет;
Однако мой Осел
На крик пастуший не смотрел.
И на середине
Увяз по горло в тине.
Осел
В болоте сел;
Раздумал ехать в гости,
И был бы рад
Отправиться назад;
Но порывался он хотя сто крат,
Хотя пастух в него метал камня в злости,
Отчаян был его возврат.
К чему представлен здесь Осел, увязший в тине?
Легко поймешь, читатель, силу слов:
Великие стада найдешь таких Ослов,
Которые, своей противясь судьбине,
Пускаются в опасный путь,
Дабы сыскать там что-нибудь,
И часто на пути принуждены тонуть.

Рецепт больному

Когда любовный бог приемлет в сердце царство,
Рассудок слабое против него лекарство:
Имеет оный бог и силу и коварство.
Когда своей стрелой поранит он кого,
Ничто не исцелит, кроме лекарств, его.

<1773>

Стихи на дружбу

Без дружбы человек себя особо зрит,
Пустыннику подобен,
Который жизнь влачит,
К утехам неспособен;
Но дружбою свое
Мы множим бытие.
О дружба, дар небесный!
Тобою счастливы на свете мы,
Тобою кроткие умы
Чувствительных сердец союз узнали тесный.
Тишайшее пристанище души,
О дружба! наконец ты стих мой доверши,
И будь толико в нем любезна,
Колико ты полезна.

<1773>

Стихи на дачу, называемую «Красная мыза», 1775 года

Болота превратить в прекрасные луга,
Извлечь из недр земли ключи потоков чистых,
Повсюду взор привлечь на тропки, на берега,
Явить во всей красе приятность рощ тенистых,
Гуляющим дарить веселье и покой, —
Таких блаженных мест чудесное начало
В старинны времена богам принадлежало,
Но ныне строится Нарышкиных рукой.

<1775>

От зрителя комедии «Недоросля»

Почтенный Стародум,
Услышав подлый шум,
Где баба не пригоже
С ногтями лезет к роже,
Ушел скорей домой.
Писатель дорогой!
Прости, я сделал то же.

<1782 (?)>

Разговор между Минервой и Аполлоном

Минерва

Почто прискорбный вид являешь,
Когда на Геликон зриаешь?

Аполлон

В счастливейших в России днях,
Как мудрость пресекает страх,
Свободу музам отверзает,
Невежд в границах заключает,
Богиня! знаешь, столько крат
Обтек я в радости твой град;
Я видел ныне муз молчащих,
Я видел их подобно спящих.

Минерва

Желание я знаю муз;
Я их возобновлю союз;
Наукам верну дам подпору
И в нову почесь их собору
Возвысить область в них мою,
Начальство Дашковой даю.

<1783>

Стихи к деньгам

Божественный металл, красящий истуканов,
Животворящая душа пустых карманов,
Подпора стариков, утеха молодых,
Награда добрых дел, нередко и худых,
Предмет воюющих, порой живущих мирно,
И досаждение тех, у коих брюхо жирно,
Здоровья, бодрости и силы подкрепитель,
Сподручник счастья, свободы искупитель,
Магнит торгующих и бог ростовщиков,
Разумных добрый вождь и гибель дураков,
О деньги, к вам стихи писать предпринимаю,
Но, муза, не тебя я в помощь призываю,
Ты так же, как и я, карманами бедна,
И нагота твоя в картинах нам видна;
Велика ты душой и разумом богата,
Правдива и честна, и в песнях торовата;
Твоею лирою пленяюсь часто я,
Но участь скудная известна мне твоя.
Отец стихов Гомер, твою приявши лиру,
В наследство славу лишь свою оставил миру.
Анакреона ты подобно возбуждала,
В весельях ел и пил, и жил Анакреон,
Но что оставил нам? Одних лишь песен звон.
Овидий, коего ты нежностью снабдила,
Овидий, коего пером любовь водила,

Кто сладким, наконец, творением своим
Пленил толико всех, колико древний Рим,
Овидий, коего стихи Кларисе любви,
В холодном севере скончал свой век без шубы.
Другой чрез много лет, писав приятный вздор,
По смерти, как Гомер, в народах сделал спор:
Потомки разные доказывать трудились,
Что с сим писателем в одной земле родились;
Высоко ставили себе такую честь,
Коль город, где возмог пиита произвести,
Но о стяжательном никто не спорил праве
Того, кого завидовали славе.
Хоть слава шумная имеет много уст,
Но слава, как и я, карман имеет пуст,
Летая налегке в подсолнечной с трубою,
Металлов не берет богиня та с собою.
Везде о всех и всем все вести говоря,
Нагая носится чрез горы и моря.
О деньги, нет у вас ушей, ни глаз, ни гласа,
Но чувства вам не раз давал певец Парнаса,
Я прежни приведу на память чуда:
Когда Орфей играл, плясали деревья,
И камни, что поля неплодным удручали,
От песней двигались и чувство получали.
Преобращалась тогда земля в металл,
Курс денег с той поры известен в мире стал;
Тогда произвелась ходячая монета
И стала колесом вертящегося света.
Движенье новое земной воспринял шар,

За деньги всякий всем даваться стал товар;
Тогда осыпалась земля серебром и золотом,
Богатый без родства богатому стал братом;
Не то ли век золотой, известный нам в стихах,
Который и поднесь хранится в кошельках?
И некто написал, что стали человеки
В железных сундуках хранить золотые веки.

<1783>

Пчелы и шмель

Пчелино общество, с тех пор как создан свет,
Житейских должностей всегда примером было,
Всегда союз любило,
Всегда носило мед.
Вблизи каких-то Пчел пчелиный подражатель,
Знакомец иль приятель,
Устроивши в земле конурку и постель,
Работал также Шмель.
Куда летит Пчела, туда и Шмель летает,
И также мед таскает.
Хорош такой сосед,
Который носит мед;
И Пчелы, чтоб завести с соседом хлебосольство,
Судили нарядить нарочное посольство,
Шмеля просить,
Чтоб вместе жить
И вместе мед носить.
К Шмелю от матки Пчел явились депутаты:
«Послушай, – говорят, – поди ты к нам в дупло,
У нас просторно и тепло.
Мы будем завсегда твои друзья и братья,
И возьмем всех Шмелей к себе из подземелья». —
«Я род пчелиный почитаю,
И вашу добродетель знаю, —
Ответствовал им Шмель. —

Но в вашем обществе живут нередко Трутни,
Которые творят и шалости и плутни;
Их плутни разбирать,
Так время потерять.
Я знаю цену службы
И всей пчелиной дружбы:
Хотя же у себя тружуся я един,
Но в доме я моем свободный господин».

<1783>

Журавли и комар

В пути под облаками
Летели Журавли;
Внизу, вблизи земли,
Своим путем летит Комар над муравами.
«Комар, Комар летит,
Комар, Комар жужжит,
Как будто равен с нами!» —
Вскричали Журавли.
Но что Комар в ответ жужжит над муравами?
«Мой путь вблизи земли,
Ваш путь под небесами;
Летаю и жужу не для досады вам,
Не трогайте меня своими вы носами;
А мой комарий нос не вреден Журавлям».

Станс к дмитрию григорьевичу левицкому

Левицкий! начертав российско божество,
Которым седьм морей покоятся в отраде,
Твоею кистью ты явил в Петровом граде
Бессмертных красоту и смертных торжество.
Желая подражать парнасских сестр союзу,
Воззвал бы я, как ты, себе на помощь музу
Российско божество пером изобразить;
Но Аполлон его ревнует сам хвалить.

<1783>

К моему другу

Мой друг! не ведаю, какому чуду веришь,
Коль с музами меня желаешь сочетать;
Ты слабый мой талант по чувству дружбы меришь,
Иль власть свою во мне желаешь испытать.
Не буду говорить, что в жизни всяко время
Свое имеет бремя,
Что музам я себя не ставлю в женихи,
Тебе в угодность я хочу писать стихи.

<1783>

Слух и видение

Сатир в своей пещере,
Желая вещи знать по вере,
У всех летучих спросил:
«Зачем пчела везде летает?»
Кузнечик доносил,
Что он не в дальности от улья обитает
И что к Кузнечику Пчела гудеть летает.
Спросил у Саранчи: в ответ из-за плеча,
Шепча,
Сказала саранча,
Что так, как и она, Пчела гулять летает.
Спросил у бабочки: летает на цветы
И машет там крылами.
Спросил у Воробья: летает на кусты,
Порхать между ветвями.
И каждый, наконец, как чувствовал иль знал,
По своему сказал.
Сатир, подумавши, ко улью сам явился.
Из уст самой Пчелы вопрос тогда решился:
Ты видишь улей сам; ответ найдешь внутри,
Приди да посмотри.

Лев и ребята

Ребята на лугу играли,
Шары себе катали.
Пришел к игрушкам Лев,
Пришел, и тут же сев,
Здорово им, как братьям,
Он, лапу приподняв,
Вещает так ребятам:
«Давать катать шары; кто выиграет, тот прав».
Ребята Льву в ответ: «Мы свой храним устав.
Мы лапу львиную высоко почитаем,
Но родом, из веков, со Львами не играем».

<1783>

Басня на поговорку: Воля со мною твоя, а по правде усадьба моя

Какой-то добрый сад —
Не ведаю, каким случаем, — нажил славу,
Что есть в саду под грушей клад,
И многие твердят
То вправду иль в забаву.
Другие требуют доводов и примет,
Без коих верной правды нет.
Родился спор в народе,
И каждый, в мысленной свободе,
За спором бился об заклад,
Что есть иль нет под грушей клад.
Чтоб в споре успокоить души,
В саду искоренить потребно было груши,
Без дела, невпопад.
Но сад хозяину и груши нужны были;
Хозяин вспомнил то, что спорщики забыли:
«Я с вами, — им сказал, — не бился об заклад;
Представлю только вам, что мне мой нужен сад».

Станс к Л. Ф. М.

Собор парнасских сестр мне кажет прежню лиру;
Приятно вспоминать во осень лет весну;
Я вновь хочу воспеть иль Хлою, иль Темиру, —
Не смею лиру взять, в свирель играть начну.

Пускай мое перо их прелести представит,
Меня воспламенит их петь моя любовь...
Темира ль, Хлоя ли стихи мои составит,
Я чувствую, увы! что в жилах стынет кровь.

Не примут дани сей ни Хлоя, ни Темира,
Одна и та давно прелестна, хороша;
В победах красоты, во всех забавах мира —
Скучна живет любовь, где страстна лишь душа.

Но сей ли только путь пиитам узаконен?
Пиши сатиры ты, мне муза говорит,
Ко оскорблению людей мой ум несклонен,
И нравы исправлять не мне принадлежит.

За слово невзначай рассердятся другие,
И острые умы припишут слову толк, —
Загадки сфинксовы возникнут в дни златые,
Где глас лжемудрости давно уже умолк.

Не делав людям зла и им желая блага,
Словами острыми невинно досаждать
Прилична может быть во младости отвага,
А в зрелом возрасте прилично рассуждать.

Но, внемля гласу муз, не буду я безгласен;
Что петь – у множества народов вопрошу;
От бытности вещей мой будет стих прекрасен,
Екатерину я на лире возглашу.

Иной вещает мне: она, прервав препоны,
Из диких прихотей ум общества творит,
И благонравия и кротости законы,
К незыблемому всем спокойствию, дарит.

Другой, красясь мечом, победой увенчанным,
Сторично за нее желает кровь пролить,
И всюду с мужеством и сердцем постоянным,
Ревнуя, ищет сам врагов ее разить.

Взводя усердный взор на Павла и Марию
И в отраслях от них породу чтя богов,
Иной поет сто крат счастливую Россию,
Блаженство стран ее счисляет в круг веков.

Другой, обременен несчастною судьбою,
Прибегну я под кров Минервы, говорит,
Речет: прейдут беды; он видит пред собою
Минервы росския божественный эгид.

Но в ревности, ее щедротой воспаленный,
Кто хочет боле знать, коль глас парнасский мал,
Пускай пространнее спросит у вселенной, —
Она дополнит то, что кратко я сказал.

<1784>

Станс к Михаилу Матвеевичу Хераскову

Творец похвальной «Россиады»,
Любитель и любимец муз,
Твой глас, под скипетром Паллады,
Удобен множить их союз.

На лире ли когда бряцаешь
Екатериныны дела,
Сердца ты сладко проникаешь,
Святится праведна хвала.

Желаешь ли ты править нравы —
Перо твое являет нам
Священны Нумины уставы
За дар счастливым временам.

Пильпаи, Федры, Лафонтены
Тебе могли бы подражать.
Во храм ли вступишь Мельпомены,
Ты можешь страсти возбуждать.

Пастушьи ль игры, или смехи,
Иль сельску славишь простоту —
Являешь новы в ней утехы,

Пою природы красоту.

Гнушаяся ль когда пороком,
Желаешь добродетель петь —
Твой ум, в течении широком,
Нигде не может укоснеть.

Твоим пленяясь стихотворством
И петь тобою ободрен,
К совету твоему упорством
Мой разум не был отягчен.

Привержен к музе справедливой,
Я чувствовал во времена,
Что стыдно быть бесплодной нивой,
Где пали добры семена.

Но лишь к Парнасу приближаюсь,
Страшусь пиитов я суда;
И в песнях скоро утомляюсь,
И тщетного бегу труда.

Коль судишь ты меня нестрого,
Воспримешь ревность вместо дел;
Хоть петь тебя не мог я много,
Но чувствовал, когда я пел.

Приятность простой жизни

Трудящийся судья!
Устав от должностей заботливого чина,
Приди покоиться в гостях у селянина,
Где мирны дни ведет счастливая семья;
А чтоб такое диво
Не возмогло тебе представиться за лживо,
Спроси у всей семьи спокойных дней секрет,
И вот тебе в ответ:
«Во время нашего досуга
Не затрудняем мы друг друга
Делами свыше нас;
Хоть дел других не оуждаем,
А только рассуждаем,
Как лучше сделать нам на круглый год запас,
К простому вся дни пиру.
Кто хочет ссориться, того склоняем к миру,
Дая рассудку полну мочь;
От споров мы отходим прочь,
Коварных нас оставить просим,
И жалоб в люди не приносим,
Себя не ставим во святых:
Имеем слабости, имеем недостатки,
Об них болтаем без украдки,
Не трогая чужих.
Своих, меж шуток, мы без желчи критикуем,

Не мысля зла другим, как лучше жить толкуем.
Бежим ловящих нас похвал;
И если иногда, подчас, из доброй воли,
Придет Фортуна к нам откусать хлеба-соли,
Мы рады тем, что Бог послал».

<1784>

Песня

Много роз красивых в лете,
Много беленьких лилей,
Много есть красавиц в свете,
Только нет мне, нет милей,
Только нет милей в примете
Милой, дорогой моей.

Если б сам Амур был с нею,
Он ее бы полюбил;
Позабыл бы он Психею
И себя бы позабыл, —
Счастлив участью своею,
Век остался бы без крыл.

В ней приятны разговоры,
В ней любезна поступь, вид;
Хоть привлечь не тщится взоры,
Взоры всех она пленит;
Хоть нейдет с другими в споры,
Но везде любовь живит.

Стихи к сочинителю разных новых русских комедий

Отечество любя,
Являть ему пути спокойства, счастья, славы;
Смягчая грозные и грубые уставы,
Приятность с пользою мешать в свои забавы;
Забавами желать людские правит нравы,
Другим желанием людей не оскорбя, —
Не суть ли то дела, достойные тебя?

<1786>

Стансы

Кто царства новые порабощает троны,
Из титла рабского кто подданных извлек,
Кто зиждет новые в России Геликоны,
Та царствуй и живи Мафусаилов век!

Кто дал отечеству премудрые законы,
Блаженство общее кто собственным нарек,
Кто новый кажет блеск вседневно от короны,
Та царствуй и живи Мафусаилов век!

Кто грозные извлек из бурных вод препоны,
Кем радостнее Мста, плавнее Днепр потек,
Для блага подданных кто роздал миллионы,
Та царствуй и живи Мафусаилов век!

Кто, страшные врагам устроив легионы,
Как твердою стеной отечество облек,
На суше и морях поставил обороны,
Та царствуй и живи Мафусаилов век!

Придите в Север к нам, Гомеры и Мароны!
Здесь музам храм отверст, здесь счастлив человек,
Здесь милость царствует, здесь кроткие законы,
Придите! пойте вы Екатеринин век!

1786 или 1787

Письмо поселянина к военачальнику

Мой друг! не удивись, что в пахотной работе,
Без светских пышностей, без славы, без чинов,
Питая свой живот в смирении и в поте,
И несколько минут покоясь от трудов,
По неким чувствам и некакой охоте,
Отважился писать я несколько стихов.
Не удивись, когда в усталости над плугом,
Не зная, как тебя назвать и отличать,
В мужицкой простоте зову тебя я другом,
Чтоб трудным вымыслом тебя не величать.
Мой друг! я ведаю, хоть носишь платье цветно,
Хоть золотом обшит от головы до ног,
Хоть счастье твое другим всегда приметно,
Ты редко с лаврами покоиться возмог.
И может быть, что я, в миру с моим соседом,
Большую частью трудяся для себя,
Спокоен спать ложась, доволен за обедом,
Почасту нахожу счастливее тебя;
В сей участи меня никто не обижает;
И зависть самая молчит, узря мой труд;
Никто меня, мой друг, никто не унижает,
По воле ль дань плачу или с меня берут,
Всегда моя рука другого снабдевает,
И люди обо мне напрасного не врут.
Я дал оброк и всё, и подать государю,

Я дал и рекрута и к рекруту коня;
И в доме я теперь покойно репу парю,
Хоть знаю, что еще попросят от меня.
Ты знаешь, что мой сын в войне два года служит
И ходит, говорят, с простреленной ногой;
Однако с турками воюет и не тужит,
Пока безногого не пошлют на покой.
Солдатски хлопоты, оброк и подать вдвое
Не разоряют нас при добрых головах;
Кони и рекруты – то дело нажитое,
Удалые у нас ребята есть в домах.
Готовы мы служить за правду и за веру,
И, буде нужно, то готовы умереть.
Ты, друг мой, служишь сам по нашему примеру,
Случается и всем грудьми рожон переть,
Иным пришло в живот, иным досталось в руку,
У Марьи сватьяна отшибли ногу прочь,
Тарасьиным зятьям, племяннику и внуку
Стесали головы, зашедши сзади в ночь.
И сам ты близко был, как шли на нас татары,
И сам ты жар терпел от ядер и от пуль;
И если б не имел фузей запасной пары,
Подчас отведал бы и сам свинцовых дуль.
Солдатам страха нет и нет о том печали,
Что турков к ним идет великое число,
От смерти не бежим, от драки не устали, —
Такое, брат, у всех военно ремесло.
Да только я скажу тебе одно по дружбе,
Коли смышлять о том тебе досуга нет:

Мой ум не помрачен заботами о службе;
Я, сидя на печи, спокойней вижу свет,
Смышляю иногда, что много ты потеешь,
Но нет тебе, мой друг, покоя никогда;
Ты грамоте горазд и дело разумеешь,
Почто ж о мире ты не пишешь никуда?
Не всё-то дракою, не всё творится боем:
Имеешь разум ты, и слово, и язык;
Не всё-то города берутся крепким строем,
Не всё-то меж людьми по силе ты велик.
Почто не пишешь ты к турецкому султану
Примерно так, мой друг, как я к тебе пишу?
Подмогою тебе вперед служить я стану
И здравия тебе у Господа прошу.

<1789 (?)>

Портрет российского полководца

Когда твой блещет меч в полках,
Ты сыплешь сопротивным страх;
И где героев ободряешь,
Везде победы ускоряешь.

Во славе почестей, в венцах,
Ты ищешь мзды своей в сердцах;
Высокость титулов забываешь
И их собою украшаешь.

Размерив веки на весах,
В твоих покорнейших часах
Ты осчастливить всех желаешь
И всем довольство разделяешь.

В беседах, в дружеских пирах,
В забавах, в праздничных играх
Ты цену жизни ощущаешь
И скуки в смехи превращаешь.

Когда пиит в простых стихах,
Забыв творений многих прах,
Плетет хвалы тебе, прощаешь
И их делами возвышаешь.

<1791(?)>

Василию Григорьевичу Рубану

Пленился образом отечества отца,
Достойно он достиг парнасского венца;¹
И боле бы еще от славы увенчался,
Когда бы завсегда подобным обольщался.

<1795>

¹ Имев талант стихотворения, он особо славен известною надписью к конной статуе, воздвигнутой на берегу Невы матерью отечества отцу отечества.

Станс

Без тебя, Темира,
Скучны все часы,
И в блаженствах мира
Нет нигде красы;
Где утехи рая
Я вкушал с тобой,
Без тебя, драгая,
Полны пустотой.

Я в печали таю,
Время погубя,
Если день кончаю,
Не узря тебя;
День с тобой в разлуке
Крадет жизнь мою:
Без тебя я в муке,
А с тобой в раю.

Если я примечу
Твой ко мне возврат,
Сердце рвется встречу,
Упреждая взгляд.
Придешь – оживляешь,
Взглянешь – наградишь,
Молвишь – восхищаешь,

Тронешь – жизнь даришь.

1790-е годы

Стихи к музам на Сарское село

В приятных сих местах,
Оставив некогда сует житейских бремя,
Я с лирой проводил от дел оставше время,
И мысль моя текла свободна во стихах.²
О Муза! если ты своим небесным даром
Могла животворить тогда мои черты,
Наполни мысль мою подобным ныне жаром,
Чтоб Сарского села представить красоты;
Великолепие чертогов позлащенных,
Которых гордый век скрывается меж туч;
Различный вид гульбищ, садов и рощ сгущенных,
Где летом проникать не смеет солнца луч.
Екатерине там послушны элементы
Порядок естества стремятся превзойти:
Там новые водам открылися пути
И славных росских дел явились монументы.
В их славу древность там
Себе воздвигла храм
И пишет бытия времен неисчислимых,
Какие видел свет
В теченье наших лет.
При множестве чудес, уму непостижимых,

² Сочинитель, жив в Сарском селе в 1765 году, сочинил там поэму, известную под титулом «Блаженство народов».

Представив, Муза, мне приятности садов,
Гульбищи, рощи, крины,
Забыла наконец намеренья стихов
И всюду хочет петь дела Екатерины.

<1790-е годы>

Из псалма 18

Небеса поведают славу Божию

Славу Божию вещают
Неизмерны небеса,
И всеместно восхищают
Бренный ум и очеса.
Там бесчисленны планеты,
В лучезарный свет одеты,
В высоте небес горя,
Образуют всем царя.

Но спусти, о смертный, взоры
От небес пространных в дол!
Там горам вещают горы,
День и ночь дают глагол;
Тамо твари удивленны
От конца в конец вселенны
Произносят общий клик:
Коль создатель их велик!

О прекрасное светило,
Коим блещет естество!
Не в тебе ли начертило
Высшу благодать Божество?
Ты, вселенну обтекая,

От краев земли до края,
Сыплешь в хлад и темноту
Живоносну теплоту.

Бога видеть неудобно;
Ум смиряется пред Ним;
Но Закон Его подобно
С солнцем блещет ко земным.
Гонит мрак греховной ночи,
Просвещает умны очи
И живит весельем дух,
Кто к нему приклонит слух.

Но всегда ли ум постигнет,
Коль Закон сей прав и благ?
Боже! если в зло подвигнет
Мысль мою коварный враг, —
Ты святым Своим Законом
Пред Твоим блестящим троном,
Зря смятение души,
Путь мой свято соверши.

«У речки птичье стадо...»

У речки птичье стадо
Я с утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком лежала
Однешенька млада,
Устала я, вздремала,
Вздремала от труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком уснула,
Глядя по берегам;
За кустик не взглянула,
Не видела, кто там.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

За кустиком таяся,

Иванушка сидел,
И тамо, мне дивяся,
Сквозь веточки глядел.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Он веточки и травки
Тихохонько склонил;
Прокрался сквозь муравки,
Как будто он тут был.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Почасту ветерочек
Дул платъице на мне;
Почасту там кусочек
Колол меня во сне.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Мне снилося в то время,
Что ястреб налетел
И птенчика от племя
В глазах унести хотел.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.

Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

От ястреба поймала
Я птенчика сквозь сон;
Я птенчика прижала,
Прижался также он.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Сон грозный не собылся,
То был лишь сонный страх;
А въяве очутился
Иванушка в руках.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Поэмы

Блаженство народов

Пою блаженный век и непорочны нравы
В начале бытия счастливейших времен;
Пою правительства священные уставы
И власть, хранящую покой земных племен.

В селении небес просторном обитая,
Спусти ко мне свои пресветлые лучи,
Твоим влиянием, о истина святая,
Внушить Твой смертный глас мой разум научи.
Вдохни в меня Твои Божественны Законы;
Представь, как смертные в природном бытии
Прияли от Тебя и скиптры и короны,
Дабы предписывать уставы нам Твои.
Представь перед очми Ты Павла молодого
Начальный в естестве благополучный век,
Как числил всяк свое в спокойстве общем благо,
Как сам давал себе законы человек;
Как прежде он свой долг любил беспринужденно,
Не быв никаковым уставом покорен;
Как время, наконец, явилось пременно
И новый смертному был жребий положен.

А вы откройте путь в жилище ваше дивно,
О музы! я умом взнестись отважусь к вам,
В места, где царствует весна бесперерывно
И где сооружен божественный ваш храм;
Где светит вечный день и мрак незнаем ночи,
Где ревностным сердцам всегда отворен вход.
Позвольте мне вступить в священны ваши рощи
И оживляющих коснуться ваших вод.
Но, Музы, я не с тем вхожу в ваш храм почтенный,
Чтоб вымышленными примерами богов,
Высокопарностью и красотой надменной
Украсить искренность простых, усердных слов.
Я с Пиндаром не тщусь быть славою возвышен:
Не славным в свете я – полезным быть хочу;
Коль глас мой в простоте меж вами будет слышен,
Я всю тогда награду получу;
Лишь тем должна быть песнь моя красна и стройна,
Коль места в ней иметь не будет подла лесть,
Коль будет павлова приятия достойна,
Коль истину пред ним потщится превознесть.

Се книга Вечности разгинулась пред мною,
Где все представились прешедши времена,
И все, вмещенные обширностью земною,
Бесчисленные в ней явились племена.
Открылся образ мне первоначальна века,
В котором царствовал еще природы глас;
Из недр небытия исшедша человека
Я вижу на земном пространстве в оный час;

В тот час, как он свое увидел совершенство,
Одними чувствами своими научен,
Как каждый взор ему казал блаженство
Пять чувств ему познание открыли,
Которое его ко счастью вело.

И чувства лишь к его довольствию служили:
Не знал он их тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти:
Желаний дале нужд своих не простирали,
А только то желал, что он имел во власти,
И, следственно, имел он все то, что желал.

В согласии узря и в тишине приятной
Иshedших из своей утробы мирных чад,
Земля, казалось, давала плод стократный
И представляла им обильный вертоград.
Их кротости тогда и нраву подражая,
Свирепейшие львы подобились овцам;
Повсюду правда, мир и тишина святая
Являли божества присутственного храм.
Не смели приступить туда гоненье, зверство,
Презренье, ненависть, пронырство и обман,
Ложь, гордость, клевета, притвор и лицемерство, —
Чуждались смертные в то время сих имян.
Не угрожало им железо смертоносно,
Соделанное днесь к погибели людей;
Но было вспахано им поле плодоносно
И не губило жизнь, давало помощь ей.
Сие вреднейшее, грызущее нас жало,

Источник алчности и корень гнусных дел,
Корыстолюбие сердец не заражало;
Никто отъемлемым уменьем не владел.
По праву сильного никто тогда не мыслил,
И ближнему чрез то не причинял обид;
Но каждый был богат, хотя никто не числил,
Что дом, земля иль плод ему принадлежит.
Земля считалася в то счастливое время
Неразделимую питательницей всех,
И люди бедности не чувствовали бремя
Среди довольствия, покоя и утех.
«Премудро божество на то, – они вещали, —
Рассеянием нас умножили наш род,
Дабы взаимно мы друг другу помогали,
Дабы приобрели чрез то сугубый плод.
С природным человек родится побуждением
К необходимейшим во обществе трудам,
И, пользуясь всем других людей именем,
Взаимно к пользе всех трудиться должен сам».
Отверсты находя для всех земные недра,
Где все заключены сокровища земли,
Сей дар, который дан от божества прещедра,
По мере нужд всегда и все извлечь могли.
Богатства естества имея в равной воле,
Довольствовался им равно велик и мал;
Коль кто приобретал перед другими боле,
Избыток одного всех прочих награждал.
Сие собрание, трудящееся в поте,
Пчелам подобилось, носящим в лете мед:

Друг другу подражал в роенье и в охоте,
И друг за другом шел, трудясь, каждый вслед.
Но вскоре жители сии трудолюбивы
Во удовольствии забудут легкий труд,
Когда их тучные и плодоносны нивы
Сторичные плоды впоследствии воздадут.
И в скором времени веселья повсечасны
Последуют за их раченьем и трудом;
В довольстве и скоты их радостей участны,
Оставляя в поле плуг покоятся потом.
Исполнен каждый был ко ближнему любви,
И в каждом почитал и брата и отца;
Они считали все себя единой крови,
Имея бытие от одного Творца;
Без лести искренен, без страха праводушен,
Всех общий был слуга, и родственник, и друг,
Без рабства человек другому был послушен,
И тем крепилась взаимность их услуг.

О, ты, чистейших душ невинно утешенье,
Приятнейшая страсть чувствительных сердец,
Любовь, дающая нам всем одушевленье!
Твои я нежности представлю наконец.
В то время не были еще сердца суровы,
Обыкши радости едины ощущать;
И для утех всегда отверсты и готовы,
Не знали оных в стыд и горесть превращать.
В них строгость никогда не находила места;
Не пышность их влекла, богатство или чин

И не вручалась на жертву им невеста,
Но выбор оныя господствовал один.
Тот ею обладал, кто мил и кто ей лестен,
Тот ею был любим, кому она мила.
Таков союз любви похвален был и честен:
Когда невинен нрав, невинны и дела.
Ревнивость никогда любви не огорчала,
И подозрения не мучили сердец!
А ежели любовь в желаньях погасала,
Началом новых был утех ее конец.
Любовник не вздыхал, не мучился напрасно,
Когда любовницу несклонну находил:
Коль сердце не было ее взаимно страстно,
Пленялся он другой, для коей был он мил.

На Марсовых полях руки не воужали
Ни слава тщетная, ни злобствующа месть,
И сами титлами себя не украшали,
Которые дает иль робость или лесть.
Бездушный ябедник и подлый лжесвидетель
Пред лицемерный суд безгласных не влекли;
Невиность, истина, любовь и добродетель
Повсюду счастливо хранились на земли.

Не навсегда наш ум в границах был удержан;
Нечувственно порок пробрался к нам в сердца,
Гнушался смертный им, но был ему подвержен
И, ненавидя зло, лобзал его творца.
Его познания и мысли просвещенны,

Которы делали счастливыми людей,
Ко общей были всех напасти обращены,
И человек себе первейший стал злодей.
Как будто некая бунтующая сила
Приятной тишине поревновала их;
И некой язвою вселенну заразила,
Которая ввела людей коварных, злых.
Казалось, ад тогда разверз свою утробу
И фурий испустил мучительных в народ,
Дабы посеять в нем свирепство, ужас, злобу
И человеческий терзать всечасно род.
Казалось, естество в раскаяньи стыдилось,
Неблагодарным свой истощевая дар,
И небо видеть их злодейства отвратилось,
Готова праведный для казни их удар.
Различные тогда узнали мы напасти:
Числом пороков мы число узнали бед.
Тираны новые плодили вновь пороки
И наисчислимы злодейства в свет ввели,
Безжалостны к другим, бесчувственны, жестоки,
Презрели истину и честь превозмогли.
Быв прежде в тишине покоен, изобилен,
Обидел иль терпел обиды человек;
Тот был счастливей всех, кто более был силен;
Восстал на друга друг и к мщенью меч извлек,
Иной прибыток зря, иной для тщетной славы,
Иной свой собственный предупреждая страх.
В свирепстве по полям текли ручьи кровавы,
Судьба людей была в насильственных руках.

Науки сделались орудием их мести,
И разум растравлял жестокость общих ран;
Не слышал человек ни должности, ни чести,
Их глас тогда молчал и царствовал обман.

Но собственным вредом смягчаются тираны,
Влекутся к жалости строптивные сердца,
И чувствуют тогда свои и общие раны:
«Доколе наших зол, – вещают, – ждать конца?
Без сокращения довольно век наш краток;
Но мы его губим в неистовствах своих».
Таков разумных сих творений был остаток,
Когда взаимное злодейство тмило их.
Поверженная честь у ног тиранских мертва,
Во ускорение являлась естеству;
Терпенье с кротостью была едина жертва,
Котору воздавал род смертных Божеству.
Невинность, истина, любовь и добродетель,
Отвсюду изгнаны, взывали к небесам,
Дабы толиких благ источник и содетель
Им дал прибежище и кротость дал сердцам.

Прещедро Божество спускает луч на землю,
Подобно как дает другую бытность ей,
И от луча Творца я новый свет приемлю;
Но где искать ему достойных олтарей?
Когда умножились злодейства и развраты,
Когда была земля наполнена сирот,
Под чей покров могли гонимы быть прияты?

Где мог прибежище найти тогда народ?
Ко пресечению гнетущей всех напасти
Был избран человек подать законы всем;
Судьба народу быть в его велела власти,
Народ, покорствуя, нарек его царем,
Дабы он подданных согласие оставил
И образ кротости собою им явил,
Дабы несчастливих от гибели избавил
И прежних тишину веков возобновил.

Народ, не знающий в своих стремленьях меры,
Без правил собтвенных последует другим;
Ко слабости иль к злу ведут его примеры —
Он чувствует их вред, но подражает им.
Ко исполненью дел его взаимность нудит;
И добродетель все тогда любить начнут,
Когда любить ее друг друга всяк побудит,
Когда одни другим примеры подадут.
Подобно к злобе тот причин находит много,
Кто мыслит своего злодея упредить;
Он стого судит всех, судим взаимно строго,
И часто принужден иль гибнуть, иль губить.

Так должно, чтоб цари правленье воспримали
Соделать лучшую для смертных в жизни часть:
Первейший, коего народы увенчали,
Заставил возлюбить благотворящу власть.
Пресек причины он враждеб междоусобных,
Невинных принял в свой надежнейший покров;

Бессильных защитил от нападения злобных,
Поставил правду, суд, закон и святость слов.
Беспечность праздная, ведущая к пороку,
И роскошь вредная была истреблена;
Народ, оставивший тогда войну жестоку,
Увидел на полях спокойства семена.
Прешли всеобщие стенания и муки;
Узря тишайшу власть, исчез грозящий страх, —
Тогда явили свой полезный плод науки
И добродетелям воздвигли храм в сердцах.

Внезапно восхищен мой ум виденьем странным,
Какая сладкая пленила мысль мечта!
Объялись чувства вдруг восторгом несказанным,
Отверзлись предо мной небесные врата:
Я вижу храм судеб среди светил несчетных;
Там путь непостижим и неприступен свет,
Там славится всегда Отец веков безлетных,
И тамо пишет Свой предвещенье завет:
«Пребудешь счастлива так долго ты, Россия,
Как будет жить в сердцах Екатеринин глас:
Чтоб россы завсегда хранили дни златые
И петь не преставал ликующий Парнас».

<1765>

Добромысл

Старинная повесть в стихах

Божественная Хля!
В часы твоих отрад и твоего покоя
Ты любишь иногда,
Во отдых от труда,
Читать в стихах страницы
Досужной небылицы.
На разум кротких муз
Не налагаешь уз.
Твоей улыбкой благотворной
Приятных душ питаешь жар,
И из забавы стихотворной
Счастливый производишь дар.
Не ставишь никому в обиду,
Когда по некакому виду
Найдутся в глубине веков
Давно известные гремушки дураков.
Желаешь, наконец, чтоб «Душеньки» писатель,
Старинных вымыслов простой повествователь,
Вступил в широкий путь забавнейших творцов.
Хоть прежних лет моих я жара не имею,
Желание твое преслушать не умею;
Скажу, что люди встарь слышали от отцов:
В пустой Аравии живали прежде люди,

Не знаю, были то иль скифы, или чуды,
Или другой народ;
Но по преданиям, от рода в дальний род,
Известно каждому из многих сказок чудных,
Что тамо в областях безводных и безлюдных,
Где кроются в песках признаки городов,
Бывало много царств, овец и пастухов,
В каком ли тамо царстве,
В каком ли государстве,
В селе, иль городе, иль в поле под шатром,
Был царь, и был любим народом и двором,
И у царя была царица —
Добра, румяна, белолица;
Любовь, и дружба, и совет,
Через множество прошедших лет,
Повсюду их сопровождали,
В обоих процветали,
Как алый розов цвет,
Краса, приятство, младость,
И потому царя без титулов звали Свет,
Царицу просто звали Радость.
На вечну память их, поднесь,
Везде в народе, как и здесь,
Когда кого ласкают,
Подобно Радостью и Светом называют;
И чаять надобно, такие имена
Не выйдут из речей в грядущи времена.
У Света у царя, у Радости царицы
Являлися поля, обильные плодом,

Верблюды и ослы, кони и колесницы
И в царских роскошах богатством полный дом.
Но все ли дни прекрасны в лете?
Утехи без перемен бывают ли на свете?
Несчастья часто льнут, как мухи, ко всему!
Легко вплетаются и в быль и в небылицы.
Случилось то ж в дому
У Света у царя, у Радости царицы;
Кто хочет знать, скажу – и как и почему:
В то время славились чудесные халдеи
Наукой тайных слов
И силою духов.
Судьбы царей и царств и участи домов
В то время строили волшебники и феи.
Они давали часть талантов и даров,
Достоинств и умов.
Бывали сельские, бывали городские;
Иные только дом бирали на удел;
Бывали добрые, бывали и такие,
Которые, не лстясь заботой добрых дел,
Творили пакости где можно, на досуге,
И всяку всячину болтали друг о друге.
Случалось иногда, и добрый и худой
Упрямую войну вели между собой.
Где добрый созидал – худой разрушить тщился,
Один благотворил – другой во вред трудился.
Подобным оброзом у Света у царя,
У Радости царицы
Один, добро творя,

Хранил вокруг границы;
Другой, ему на спор,
Старался наустить соседов ближних царства,
К царю через забор
Метать от всюду сор
С надменной гордостью всевластного боярства.
Один предпринял труд,
Любя цареву славу,
В бессудную расправу
Вводит правдивый суд;
Другой, ему назло, законов разум путал,
Дела во мраке кутал
И правду клал под спуд;
Согбенны древностью благотворящи духи
И сверстницы их лет, из добрых фей старухи
Бывали иногда иль слепы, или глухи,
И многих пакостей ближайших на земли
Приметить не могли.
У Света у царя, у Радости царицы
Летали также в дом духов и фей станицы,
Которы брали вид дельцов и знатоков,
Решали все дела, судили, кто каков;
Но их решения забыты в век веков.
Меж тем таился ков
Враждующих духов,
Которы предприняли
Наслать на царский дом особые печали.

Уже пронесся слух чрез земли и моря:

У Света у царя,
У Радости царицы
Родились детища двуносы иль двулицы,
И, словом, были все уроды на показ.
В начале первых лет приставники и мамы
Старались править их вседневно много раз;
Но каждый вырастал впоследствии двуобраз;
Природные черты всегда живут упрямы.
Для славы их отца
Природные вельможи
Носили два лица
Или двуносые подделанные рожи,
И в сказках говорят, что будто бы они
Изобрели в тот век различные награды,
Какие в наши дни
Являют маскарады.
Цена носов и харь,
Которые сначала
Без денег раздавал щедро добрый царь,
В столице наконец без меры вздорожала,
И равная беда
Постигла города,
Затем, что все тогда,
Дая большие платы,
Старались также быть двулицы, двуносаты;
Блажен казался царь, которого народ
Любви своей к нему являл такой довод.
Но царь с царицею, когда не в людстве были,
Нередко двое выли,

Искали помощи у всех своих друзей,
Волшебников и фей,
И в горестной печали
От всех забав бежали.
Волшебник Благотвор
И Скромность, дочь его, любили царский двор;
Но их всегда была умеренна возможность:
Они давали в щит едину Осторожность.
Царя же Благотвор по дружбе наделил
Чудесной некакой водою,
От феи Мудрости взятою;
И в мире носится народною молвою,
Что царску голову он ею часто мыл.
Царице Скромность подарила
Волшебную свою печать,
И Скромность, если льзя от слухов веру брать,
Печать сию к устам царице приложила.
Такие способы, поистине сказать,
Для царства не были блистательны и громки,
Но долее могли блаженства цепь вязать,
И цепи сей конец далече шел в потомки.
Полезным действием печати и воды
Слабели видимо враждебных сил коварства,
И царь с царицею под тягостями царства
Могли тогда вкушать счастливые плоды.
У Света у царя, у Радости царицы
Плачевных повестей окончились таблицы:
У них родился сын,
По складам видимым и по приметам тайным,

Без всяких злых причин,
С порядочным лицом и с носом обычайным.
Волшебники друзья,
Приятельницы феи
К основе бытия
Прибавили затеи:
Одни ему черты
Героев подарили;
Другие красоты
Купидовы сулили;
Одни высокий ум
И мудрость обещали;
Другие наобум
Грядущих дел его историю;
Таланты, счастье и самый долгий век
Ему предвозвещали,
И громко возглашали,
Что действием их опек
Он вырастет хорош и будет человек,
И с тем родителей заране поздравляли.
Притом произвели из неких тайных числ,
Что он определен назваться Добромysl,
По имени, от век почтенному в народе;
И первый Добромysl тогда явился в роде.
Меж тем как добрые сияли в торжестве,
В сокрытах умыслах мутились злые духи
И, будучи тогда бессильны в колдовстве,
Старались распустить знакомы в свете слухи:
Лицом дитя хорош, но будет глуповат

И, по приметам фей, наклонен к злему нраву;
И, так как бы планет последую уставу,
Пророчили, что он не может быть женат,
Что будет на лице носить дурацку мету,
Что будет век искать себе невест по свету,
Но все искания не будут во успех,
А будут лишь в посмех.

Лукавы сонмища духов и фей противных,
Ныряя подтишком тогда во все края,
Со множеством трудов искали сбытия
Своих пророчеств дивных,
И, чаять надобно, легко бы возмогли
Чудесить на земли,
Что только было им во вред людей возможно;
Но царь всегда предосторожно
Хранил в запас воды бутыль,
Котора злых коварств уничтожала былъ.
У Радости равно, на случаи заране,
Известная печать всегда была в кармане.
У сына их тогда, доколе был он млад,
В неделе и во дни бывала много крат
Водою разума головушка помыта,
И часто к вороту печать была пришита,
И то их имени да будет не в пронос,
Что тако Добромьсл в отцовском доме рос:
У царского двора особы грамотеи,
И таин естества учителя халдеи
Водили ум его в пространстве всех частей,
Познаний и наук, искусств и хитростей.

Историю времен, числений разны роды,
Светил небесных бег, открытие природы,
Кривой и правый толк высокотайных слов
Царевичу они глубоко в ум втвердили;
Но, наваждением, конечно, злых духов,
Науку *в свете жить* и ведать, кто каков.
Халдейски мудрецы в то время позабыли.
Ни Свет со Радостью, ни самый Благотвор,
Ни Скромность, дочь его, ни добрых сил собор
Питомца своего сколь долго не хранили,
От всех возможных зол напредь не оградили,
И может быть, что злым, умышленно во власть,
Оставили на часть
Ошибки возраста, водимого страстями,
Чтоб разными путями —
И опытом добра и опытом скорбей —
Он лучше достигал счастливых в жизни дней.
Настали скоро лета,
В которые любовь
Волнует часто кровь
И юность действует без дальнего совета.
Тогда отец и мать
Заранее пеклись найти ему невесту,
Иль, попросту сказать,
Гадали, думали пристроить сына к месту.
Женясь, он будет жить спокойно, без хлопот,
И новым племенем умножит царский род.
Такие для него в виду имели меты
Желания родных и дружески советы.

Но злобных ли духов коварные наветы,
Или бесстройная незрелых лет череда
От доброго пути влекли его к худому,
Потрачена ль была чудесная вода,
Потеряна ль печать спасительная дому,
Во летописях нет
Доводов, ни примет;
Лишь то известно свету,
Из разных повестей, без всяких лет и числ,
Что юный Добромysl
Не следовал тогда разумному совету,
И нежных чувствий дар,
Какой в него тогда природою вливался,
В подобии вещей был только скорый жар —
Минутой возгорал, минутой истощался.
Царевичу предстал повсюду вид свобод,
Под коим крылся путь неволи и нестройства.
Приманчивый призрак пленяющих красот
Далеко отстоял от счастья и спокойства.
Открылось множество невест со всех сторон:
В Египте фараон,
От самой древности ведя свою породу,
Имел любиму дочь,
По сказкам, Вышероду,
Котора ближилась к семнадцатому году
И женихов себе искала день и ночь.
Но вестно в бытиях египетской архивы,
Цари не всегда бывали там счастливы;
И некий тамо царь,

С показанным теперь недалний однородец,
Хотя носил всегда в кармане календарь,
Особо в веке был несчастный мореходец,
И, в море некогда пустясь в недобрый час,
Со всеми силами постыдно в грязь увяз;
Хотя ж в последствии толь знатного урона
Оставил имя он в потомстве фараона,
Оставил множество коней и колесниц,
Оставил, наконец, в достойну память роду,
Между высоких лиц
Царевну Вышероду;
Хотя толико пышный дом
Пленил царевича вначале,
И не искал бы он потом
Себе невесты дале,
Она явилася с приданным к ней погостом;
Явилась, но была весьма велика ростом,
А он при ней был мал,
И только под плечо тупеем досягал.
Вотще старалися искусными руками,
Природе вопреки,
Подделывать ему высоки каблуки:
Он скучил зреть ее нижайшими очами,
И был довольно рад,
Когда невеста в дом отправиась назад.
Царевичева дума
Клонилася потом, оставя знатность прочь,
Понять в супружество едиnorodну дочь
У громкого царя у Шума.

Известно всем, что то была
Летучая царица Слава,
Которая, носясь по праву иль без права,
С трубою по путям вестила мне дела.
Со Славою союз и от него потомки
Долженствовали быть во всей вселенной громки;
И не было тогда
В искании труда;
Царица без стыда
Навстречу жениху, одетая в полтела,
Почти, сказать бы так, нагая прилетела.
Премноги красоты
Открылися в невесте;
Но так как вестница, имея суеты,
Она не возмогла держаться долго в месте.
В начале первых числ
Влюбленный Добромysl,
Дивясь ей как чуду,
За нею бегал всюду;
Но мог ли долго он за славой гнаться вслед?
Она везде летала,
Трубила и болтала,
По ветру впоследствии пустилась дале в свет,
И где сокрылася, поныне слуху нет.
Любовь палит сердца без дальнего разбора
И не всегда дает желаемых невест.
Царевич, отдохнув, предпринял сам поeзд
К двору, где славилаcь царица Острозора.
Отец ее бывал

Отцу его приятель,
И был халдейских стран сильнейший обладатель;
Сидон и Тир ему овцами дань давал.
В его владении халдейские науки
И острых слов игра
Из мест, где в целый год гнездо находят жуки,
Вошли в высоту честь у царского двора;
В его владении цвела наук подпора,
Цвела, как вестно всем, царевна Острозора.
И прибыл Добромysl к халдейскому двору;
Он в детстве сам имел учителей халдейских
И ведал многу быль из повестей индейских,
Понравился царю, со всеми был в миру,
Немало говорил с царевной на пиру;
Но многих слов ее не мог понять игру,
И вскоре
Незнанием своим наскучил Острозоре.
Сражен ее умом,
В ничтожности потом
За благо рассудил обратно ехать в дом.
Последуя тогда всего народа гласу,
Старался видеть он царевну Милокрасу;
Увидел наконец и был в ее плену.
Но скоро впал в вину:
Когда она чего желала,
Любовник должен был всегда желать того ж,
И как желанья их поразнились сначала,
Царевна коротко сказала: «Нехорош».
Хотя ж сестра ее царевна Самохвала

Не так была горда,
Царевича она ни в чем не осуждала;
Но часто без стыда
Высоки похвалы сама себе слагала.
Любила обезьян, любила также клуш,
И к ним в товарищи ей надобен был муж.
Царевич, убоясь вступить на место клуши,
От милостей ее бежал, заткнувши уши.

Он видел наконец премножество невест,
Представленных ему в приятных самых масках;
Но их названья в сказках
Не заслужили мест,
И в повестях их дома
Остались незнакомы.
Древнейших вымыслов отец,
И многих бытностей свидетель,
Гомер поведал наконец,
Что встретил Добромysl в дороге Добродетель,
Которая ему, с бесплодного пути,
Назнача тогда за нею вслед идти,
Ошибки юности завесою покрыла,
И тако повесть сократила.